СВЯТЫЙ
ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ.

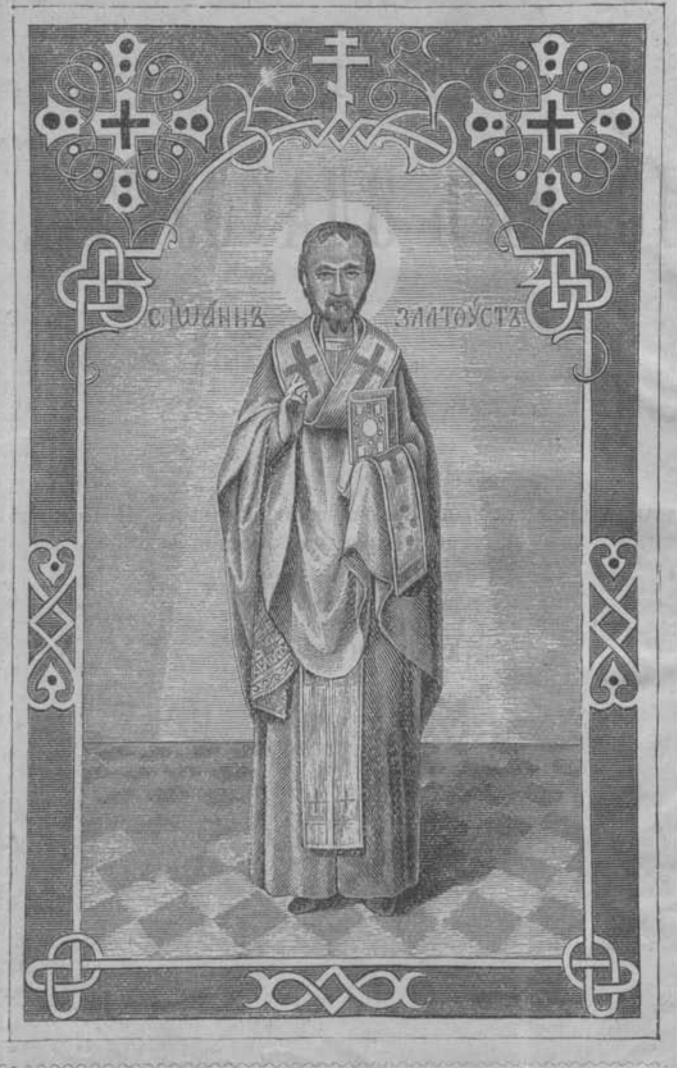
СОСТАВИЛЪ
В. Сахаровъ.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. В. Леонтьева, Басковъ переулокъ, 4.
1904.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 25 Октября 1904 года.

Цензоръ, Іеромонахъ Александръ.

I.

Первоначальное воспитаніе и жизнь святаго Іоанна до принятія пресвитерскаго сана.

Вселенскій великій учитель и святитель Іоаннъ Златоустъ, родился въ Антіохіи, главномъ городѣ Сиріи (въ Азіи), около 347 года по Рождествѣ Христовѣ. Скоро по рожденіи Іоанна, отецъ его, Секундъ, занимавшій видное мѣсто въ сирійскомъ войскѣ, скончался, оставя во вдовствѣ 20-ти лѣтнюю Анфусу, мать Іоанна. Св. Анфуса не рѣшилась вступать въ новый бракъ, и все свое вниманіе, всю дѣятельность сосредоточила на воспитаніи сына въ вѣрѣ и благочестіи. И этотъ долгъ матери она исполняла съ такимъ рѣдкимъ усердіемъ, что сдѣлалась предметомъ удивленія не только для христіанъ, но даже и для язычниковъ. Знаменитый въ то время языческій ученый Диваній, выслушавъ однажды разсказъ Іоанна о его матери, сказалъ: «какія удивительныя же-

ны у христіанъ»! За то и сынъ утѣшалъ свою мать дарованіями, успѣхами и послушаніемъ.

Когда пора дѣтства для Іоанна миновала, Анѳуса для дальнѣйшаго образованія отдала его въ антіохійское языческое училище, потому что христіанскія школы тогда были закрыты. Императоръ Юліанъ, отступивъ отъ Бога, воздвигъ гоненіе на христіанъ, и, между прочимъ, запретилъ имъ имѣть свои школы. Въ антіохійской языческой школѣ Іоаннъ, подъ руководствомъ славнѣйшихъ учителей тогдашняго времени, изучалъ языческую мудрость и краснорѣчіе и пріобрѣлъ въ нихъ обширнѣйшія свѣдѣнія. Знаменитый учитель его, Ливаній, предъ смертью своею, на вопросъ друзей: «кого бы ты желалъ имѣть своимъ преемникомъ?» отвѣтилъ: «я избралъ бы Іоанна, если бы его не отняли у насъ христіане».

Между тѣмъ Анѳуса, со всею любовью и вниманіемъ матери-христіанки, не переставала слѣдить за нравственнымъ воспитаніемъ своего сына. Она поручила священнику преподавать ему начальные уроки по Свящ. Писанію, и сама читала съ нимъ Библію, поучая его бесѣдами. Ея-то наставленіямъ и примѣру Іоаннъ преимущественно обязанъ былъ тѣмъ, что среди соблазнительной жизни многихъ товарищей сохранилъ въ чистотѣ свое сердце.

На 20-мъ году онъ не только окончилъ курсъ ученія, но даже успѣлъ пріобрѣсти извѣстность. Теперь нужно было ему занять какую нибудь общественную должность. Іоаннъ избралъ для себя званіе адвоката (защитника подсудимыхъ). Отъ молодого адвоката со счастливыми дарованіями, съ твердымъ, честнымъ характеромъ, съ прекраснымъ и свободнымъ даромъ слова, ожидали многаго,—и не напрасно: Іоаннъ вполнѣ оправдалъ эти ожиданія и въ короткое время успѣлъ занять почетное мѣсто между адвокатами. За то чуть было не уклонился онъ отъ того добраго направленія, которое дала ему благочестивая Анѳуса. Замѣтно стало, что у Іоанна совсѣмъ не та уже была любовь къ чтенію св. Писанія и молитвѣ, какую имѣлъ онъ въ дѣтствѣ и нѣжной юности; совсѣмъ не то уже было усердіе къ дѣламъ вѣры и благочестія, какимъ онъ отличался прежде. Замѣтно стало, что театръ и другія публичныя зрѣлища сдѣлались для него потребностью. Такъ измѣнила Іоанна жизнь свѣтская! Къ счастью, это продолжалось недолго. Скоро благодать Божія открыла своему избраннику ту пропасть, на краю которой онъ стоялъ. У Іоанна былъ искренній другъ, съ которымъ онъ сблизился еще въ антіохійскомъ училищѣ и котораго любилъ боль-

ше всѣхъ товарищей, это—Василій, впослѣдствіи епископъ раѳанейскій (въ Сиріи). Въ то время какъ Іоаннъ, въ званіи адвоката, увлеченъ былъ міромъ, другъ его Василій подвизался въ Антіохійской пустынѣ. Узнавъ, что Іоаннъ уклонился отъ Евангельскаго пути, онъ просилъ, умолялъ его перемѣнить образъ жизни и занятій, и его просьба имѣла желанный успѣхъ. Іоаннъ сложилъ съ себя званіе адвоката, забылъ театръ и публичныя зрѣлища, возвратился въ домъ матери и все свое время посвящалъ молитвѣ, изученію св. Писанія и благочестивымъ размышленіямъ.

Узнавъ о благочестивой жизни Іоанна и примѣтивъ прекрасныя качества его души, епископъ антіохійскій св. Мелетій сталъ часто приглашать его къ себѣ для духовной бесѣды и въ 370 году совершилъ надъ нимъ таинство св. крещенія *). Послѣ этого Іоаннъ рѣшилъ всю жизнь посвятить на служеніе Богу и хотѣлъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Василіемъ удалиться въ монастырь. Но просьбы матери удержали его. «Подожди моей смерти, говорила ему мать. Я уже чувствую ея приближеніе; погреби меня при костяхъ отца твоего, и тогда—

*) Многіе христіане крестились тогда по достиженіи совершеннолѣтія, преимущественно около 30-ти лѣтъ, желая подражать Господу, Который въ этомъ возрастѣ принялъ крещеніе.

твоя добрая воля: дѣлай что хочешь». Уступивъ слезамъ матери, Іоаннъ остался въ отеческомъ домѣ; въ это время онъ исполнялъ должность чтеца Антіохійской церкви.

Когда Анθуса скончалась, Іоаннъ закрылъ ей глаза сыновнею рукою и похоронилъ ее подлѣ праха отца. Теперь ничто не мѣшало ему исполнить свое желаніе. Раздавъ имѣніе бѣднымъ и давъ свободу рабамъ, онъ поспѣшилъ уйти въ Антіохійскую пустыню. Здѣсь онъ поступилъ въ одинъ изъ нагорныхъ монастырей и отдалъ себя въ полное распоряженіе самому строгому старцу. О томъ, какъ проводили пустынножители жизнь свою, разсказалъ потомъ самъ св. Іоаннъ въ бесѣдахъ своихъ къ антіохійскому народу. Въ глубокую полночь отшельники вставали съ ложа и среди полночной тишины пѣли священныя пѣсни во славу Божію. Отдохнувъ немного послѣ этого, они совершали утреннія молитвы и въ теченіе дня пѣли часы: третій, шестой и девятый. Время же между служеніемъ Богу иноки употребляли то на чтеніе священныхъ книгъ или списываніе отеческихъ твореній, то на рукодѣлье: одни садили и поливали растенія, другіе вязали власяницы, плели корзины и т. п. Пищею имъ служилъ хлѣбъ съ водой, и то они вкушали его обыкновенно только при наступленіи ве-

чера. Окончивъ дневныя молитвы и занятія, отшельники съ миромъ расходились по келіямъ. У нихъ не было ни запоровъ, ни ночной стражи, такъ какъ они не имѣли никакой собственности: все, что вырабатывали сверхъ потребнаго на дневное пропитаніе, они отдавали бѣднымъ и нищимъ. Такова была жизнь тѣхъ пустынножителей, къ которымъ Іоаннъ присоединился. И онъ не только охотно дѣлилъ съ иноками всѣ ихъ подвиги, но находилъ досугъ дѣлать и то, чего другіе не дѣлали: въ пустынѣ онъ писалъ душеспасительныя сочиненія. Когда одинъ благочестивый подвижникъ антіохійскій, по имени Димитрій, сталъ неотступно просить его написать такое слово о сокрушеніи, которое могло бы умягчить окаменѣвшее сердце и напитать его слезами, Іоаннъ, уступая просьбѣ его, написалъ два прекрасныхъ слова *О сокрушеніи сердца*,— ихъ съ услажденіемъ читала вся пустынная братія. Потомъ написалъ *Двѣ бесѣды* къ другу своему и товарищу по воспитанію Өеодору, чтобы удержать его на иноческомъ пути, съ котораго онъ хотѣлъ было сойти. Здѣсь же, въ монастырѣ, онъ написалъ *Три книги въ защиту монашеской жизни* противъ тѣхъ, кто порицалъ эту жизнь и препятствовалъ распространенію монастырей.

Святая жизнь, прекрасныя сочиненія и даръ чудотвореній, которымъ Богъ прославилъ Іоанна въ пустынѣ,—все это обращало на него общее вниманіе и распространяло о немъ славу далеко за предѣлами пустыни. Но эта слава и это вниманіе были тяжелы для Іоанна: онъ боялся, какъ бы не впасть въ духовную гордость; и потому, послѣ четырехлѣтней монастырской жизни, оставилъ монастырь.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ монастыря, среди необитаемыхъ скалъ и лѣсовъ, была глубокая пещера. Сюда-то удалился Іоаннъ, намѣреваясь провести здѣсь всѣ дни до кончины своей, въ постѣ и молитвѣ. Одному Богу извѣстны были сокровенные его подвиги, его скорби и его молитвы; а людямъ вѣдомо было только то, что въ пещерѣ не имѣлось ни стула, ни стола, ни постели; что Іоаннъ питался только хлѣбомъ, который приносилъ ему одинъ изъ друзей, и засыпалъ не ложась, а опираясь на стѣны пещеры. Тяжкіе подвиги, холодъ и сырость пещеры до того разстроили его здоровье, что онъ вынужденъ былъ возвратиться въ Антіохію. Съ радостью принялъ пришедшаго епископъ антіохійскій св. Мелетій и поставилъ его діакономъ (въ 381 г.), а чрезъ пять лѣтъ преемникъ св. Мелетія—Флавіанъ рукоположилъ его во священника. Съ этихъ поръ

начался непрерывный рядъ новыхъ трудовъ и заслугъ Іоанна для Церкви Божіей.

II.

Дѣятельность св. Іоанна Златоуста въ санѣ пресвитера.

Рукоположивъ Іоанна во священника, епископъ Флавіанъ возложилъ на него обязанность говорить поученія антіохійскому народу. И вотъ онъ, въ продолженіе 12-ти лѣтъ священства въ Антіохіи, дважды или трижды въ недѣлю, а во время постовъ ежедневно, проповѣдывалъ народу слово Божіе. Онъ проповѣдывалъ живымъ словомъ, безъ книгъ и записокъ, и изъ устъ его изливалась такая благодать, такая сила, что слушавшіе приходили въ умиленіе и неизъяснимый восторгъ: одни, тронутые до глубины души, начинали плакать и рыдать; другіе, въ порывѣ одушевленія, прерывали его слово восторженными рукоплесканіями. А когда онъ жаловался на эти свѣтскіе знаки одобренія, обращавшіе домъ Божій въ театръ, то крики и восклицанія замѣнялись цѣлованіемъ его рукъ и одежды. Стеченіе къ нему слушателей было такъ многочисленно, что церкви, въ которыхъ онъ проповѣдывалъ, оказывались малы; вокругъ его каѳедры была та-

кая давка, что тамъ можно было задохнуться. Не одни христіане, но даже язычники и іудеи приходили въ церковь, чтобы послушать необычайнаго проповѣдника. Когда болѣзнь заставляла святого пресвитера оставаться дома, народъ падалъ духомъ, прекращалось народное оживленіе и движеніе, и казалось, что какое нибудь бѣдствіе постигло городъ. Но лишь только Іоаннъ снова являлся во храмѣ,—отовсюду неслись крики радости и благословенія. И великій учитель, всегда согрѣтый отеческою любовью къ народу, не жалѣя своихъ силъ и здоровья, начиналъ проповѣдывать и учить своими краснорѣчивыми, *золотыми* словами. Антіохійскіе слушатели назвали его *Златоустомъ*, и св. Церковь навсегда сохранила за нимъ это названіе.

О чемъ же проповѣдывалъ Златоустъ? Чему училъ онъ антіохійскую паству? Онъ, какъ попечительный отецъ, старался уврачевать всѣ язвы, уничтожить всѣ пороки и исправить всѣ недостатки своей паствы; но особенно часто вооружался онъ противъ скупости богатыхъ по отношенію къ бѣднымъ, противъ роскоши и страсти народной къ зрѣлищамъ и всегда неумолкаемо призывалъ слушателей къ милосердію и состраданію къ сирымъ вдовицамъ и нищимъ. Въ одной изъ

своихъ бесѣдъ онъ говоритъ: «Можетъ быть, кто нибудь скажетъ: каждый день ты говоришь намъ о милосердіи и человѣколюбіи.—Я и не перестану говорить о семъ» (88 бесѣда на Матѳ.). Онъ требовалъ, чтобы подавали милостыню, и подавали съ охотою и щедрою рукою. «Я вижу, что вы сѣете, говорилъ онъ, но не полною рукою; почему я и опасаюсь, что вы не обильную жатву соберете, по пословицѣ: что посѣешь, то и пожнешь». Съ другой стороны, онъ отечески и съ любовью внушалъ нищимъ не жаловаться и не гнѣвить своихъ благодѣтелей, порицалъ страсть нищихъ къ бродяжничеству, хитрость ихъ и наклонность ко лжи. Впрочемъ, въ разныхъ хитростяхъ, къ которымъ иногда прибѣгали бѣдные для полученія подаянія, Златоустъ винилъ и самихъ богатыхъ. «Притворство его (нищаго) возвѣщаетъ всѣмъ о твоемъ безчеловѣчіи», говоритъ онъ; «если онъ проситъ, умоляетъ, жалобно вопіетъ, плачетъ, рыдаетъ, скитается цѣлый день и не находитъ необходимой пищи, то, можетъ быть, и вымыслилъ такую хитрость, которая не столько ему, сколько тебѣ служитъ безчестіемъ и обвиненіемъ. Онъ достоинъ состраданія, что дошелъ до такой крайности; а мы достойны тысячи казней, что принуждаемъ

бѣдныхъ прибѣгать къ обману» (21 бесѣда на первое посл. въ Корино.).

Свое состраданіе къ бѣдности Златоустъ доказывалъ не только словомъ, но и дѣломъ. Употребляя все свое достояніе на вспоможеніе бѣднымъ, онъ самъ дошелъ до чрезвычайной бѣдности. Дѣвы и вдовицы, бѣдные странники, заключенные въ темницы и больные, всѣ испытывали на себѣ его благотворительность и попеченіе: никогда ни одинъ бѣдный не отходилъ отъ него, не получивъ вспомоществованія и утѣшительнаго совѣта въ скорби. Болѣе трехъ тысячъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ антіохійской церкви находились на его ежедневномъ попеченіи, и всѣхъ ихъ онъ кормилъ изъ собственнаго достоянія и доходовъ церкви. Но великій благотворитель бѣдныхъ и больныхъ въ трудныхъ обстоятельствахъ народной жизни былъ и утѣшителемъ самихъ богатыхъ и вообще всѣхъ своихъ согражданъ.

Чрезъ два года послѣ посвященія Іоанна въ пресвитеры произошелъ въ Антіохіи бунтъ. Народъ нашелъ тяжелымъ для себя новый налогъ, вызванный военными обстоятельствами, и, въ пылу неразумнаго раздраженія, повалилъ статуи императора и императрицы, съ крикомъ и шумомъ таскалъ ихъ по улицамъ города и, наконецъ, разбилъ. Со скорбію смотрѣлъ Іоаннъ

на безуміе мятежа, но молчалъ, зная, что разсвирѣпѣвшій народъ глухъ ко всякому слову увѣщанія. Но прошла вспышка ярости, народъ опомнился, съ ужасомъ увидѣлъ все безобразіе своего поступка,—и страхъ и уныніе наполнили сердца жителей Антіохіи: съ трепетомъ ждали они рѣшенія императора Ѳеодосія, которому донесли о случившемся. Тогда епископъ Флавіанъ самъ отправился въ Константинополь, чтобы молить царя о прощеніи, а Іоаннъ, оставшійся въ Антіохіи, выступилъ предъ народомъ съ сильнымъ словомъ утѣшенія: «Предайте мнѣ ваши души, преклоните вашъ слухъ,—восклицаетъ онъ; отбросьте печаль, возвратимся къ прежнему обычаю, и, какъ привыкли мы всегда быть здѣсь съ благодушіемъ, такъ и теперь сдѣлаемъ, возложивъ все на Бога. Это послужитъ намъ и къ прекращенію бѣдствія, потому что когда Богъ увидитъ, что мы со вниманіемъ слушаемъ Его слово и не отвергаемъ Его наставленій въ сіе несчастное время, то скоро подастъ намъ помощь и сдѣлаетъ благодатную перемѣну и тишину въ настоящей бурѣ». И цѣлыхъ 19-ть прекрасныхъ поученій произнесъ Златоустъ въ отсутствіе Флавіана! Ободряя согражданъ надеждою на прощеніе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь обстоятельствами, призываетъ ихъ къ покаянію во грѣхахъ, внушаетъ прене-

бреженіе къ богатству, презрѣніе къ удовольствіямъ, убѣждаетъ ихъ безъ смущенія, съ полною преданностью покориться Промыслу. Народъ въ великомъ множествѣ собирался его слушать, и слово его водворяло миръ въ душахъ, возбужденныхъ страшнымъ событіемъ.

Между тѣмъ святый епископъ Флавіанъ, прибывъ въ Константинополь, явился къ императору Θеодосію и умолялъ его простить преступниковъ, чтобы тѣмъ прославилась сила христіанской вѣры, преодолѣвающая и справедливый гнѣвъ. «Низвергли статуи твои,» говорилъ Флавіанъ, «но ты можешь поставить другія, болѣе славныя, чѣмъ тѣ. Если ты простишь преступленія обидѣвшимъ тебя и не подвергнешь ихъ казни, то они не мѣдную на площади поставятъ тебѣ статую, не золотую, не каменную,— но гораздо болѣе драгоцѣнную, украшенную человѣколюбіемъ и милостію. Таковую каждый поставитъ тебѣ въ сердцѣ своемъ, и ты будешь имѣть столько же статуй, сколько на землѣ есть и будетъ жителей... Впрочемъ, я пришелъ къ тебѣ, государь, не отъ нихъ,—антіохійцевъ; прежде ихъ прошенія посланъ я отъ Господа сказать тебѣ: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный...* Умоляю тебя подражать Господу твоему, Который, будучи ежедневно оскор-

бляемъ нами, не перестаетъ подавать всѣмъ блага Свои. Не постыди меня въ надеждѣ и не отвергни моего предложенія».

Слова святаго епископа сильно подѣйствовали на императора. Онъ прослезился и сказалъ: «Если и Господь вселенной, который для насъ сошелъ на землю, для насъ принялъ образъ раба и отъ облагодѣтельствованныхъ Имъ былъ распятъ, молился за распявшихъ Его Отцу небесному: *Отче отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ!*—то не могу и я не простить тѣхъ, которые ругались надо мною, подобнымъ имъ человѣкомъ».

Съ этимъ великодушнымъ рѣшеніемъ императора епископъ Флавіанъ возвратился въ Антіохію къ самому празднику Пасхи, торжественно встрѣченный народомъ. Въ первый день праздника возвѣстилъ Іоаннъ Златоустъ жителямъ города о прощеніи ихъ императоромъ и прибавилъ: «Вы встрѣтили вашего пастыря, украшая улицы факелами и вѣнками, но отнынѣ поступайте иначе. Украшайте самихъ себя не цвѣтами, а добродѣтелями, освѣщайте ваши души добрыми дѣлами, радуясь всегда радостію духовною, и непрестанно благодарите Бога не только за прекращеніе бѣдствій нашихъ, но и за то, что Онъ ихъ послалъ».

Заботы и отеческое попеченіе св. пресвитера

Іоанна о ввѣренной ему паствѣ не остались безъ награды. Богъ благословилъ его труды. Онъ съ радостью увидѣлъ, что въ народѣ благочестіе стало заступать мѣсто распущенности, слушаніе церковныхъ поученій и молитва замѣняли театръ и цирки, благотвореніе брало верхъ надъ скупостью. Онъ не разъ самъ высказывалъ свою радость, видя исправленіе паствы: «Я радуюсь, видя васъ стекающихся въ такомъ множествѣ и съ такою поспѣшностью для слушанія служителей алтаря. Такая ревность ваша служитъ лучшимъ доказательствомъ вашихъ успѣховъ въ добродѣтели и дѣлахъ благочестія»...

Но настало время антіохійской паствѣ разстаться со своимъ великимъ учителемъ. Слава о краснорѣчіи и о святости жизни Златоуста дошла до Константинополя, и онъ призванъ былъ къ служенію въ санѣ архіепископа константинопольскаго.

III.

Дѣятельность св. Іоанна Златоуста въ званіи архіепископа константинопольскаго.

Въ 397 году умеръ архіепископъ константинопольскій Нектарій. Важное значеніе города Константинополя, какъ столицы всего Во-

стока, и то видное вліяніе, которымъ пользовались константинопольскіе архіепископы въ дѣлахъ Церкви и при царскомъ дворѣ, возбудило во многихъ епископахъ и пресвитерахъ желаніе занять это мѣсто, и нѣкоторые изъ нихъ прибыли даже для того въ столицу. Между тѣмъ императоръ Аркадій рѣшилъ уже назначить архіепископомъ константинопольскимъ славнаго антіохійскаго пресвитера Іоанна Златоуста. Но какъ взять Іоанна изъ Антіохіи? Боялись, что жители Антіохіи, необычайно любившіе своего мудраго наставника, воспротивятся его отъѣзду. Тогда придумали взять его хитростью. Получивъ распоряженіе изъ Константинополя, антіохійскій правитель Астерій пригласилъ Іоанна придти въ загородную церковь Святыхъ Мучениковъ будто бы для совѣщанія объ одномъ важномъ дѣлѣ. Златоустъ, не подозрѣвая ничего, съ поспѣшностью явился въ назначенное мѣсто; но лишь только онъ прибылъ, Астерій посадилъ его въ колесницу, которая съ чрезвычайною скоростью помчала его въ Константинополь.

Въ Константинополѣ Златоустъ сначала отказывался отъ принятія высокаго сана, указывая но слабость своихъ силъ и свое недостоинство; но потомъ, когда увидѣлъ, что возраженія его напрасны, покорился избранію,

благоговѣйно усмотрѣвъ въ немъ опредѣленіе Божіе, и 26 Февраля 398 года, принялъ посвященіе во епископа. Черезъ нѣсколько дней послѣ посвященія, онъ, въ присутствіи многочисленнаго собранія народа, произнесъ свое первое, вступительное слово, въ которомъ, съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ, старался показать слушателямъ, что онъ пришелъ къ нимъ съ искреннимъ желаніемъ служить дѣлу ихъ спасенія. Это слово имѣло поразительное дѣйствіе на слушателей и сразу возбудило въ народѣ уваженіе и любовь къ Златоусту. Онъ принялся за благоустройство своей новой паствы, и необозримы тѣ великія дѣла, которыя были имъ совершены въ немногіе годы его архипастырскаго служенія.

Первою заботою Златоуста было улучшеніе нравственности духовенства константинопольскаго. Его особенно огорчало честолюбіе служителей алтаря и любовь ихъ къ роскоши. Святый архипастырь кротостью и любовью, а иногда и строгостью, старался измѣнить образъ жизни подчиненныхъ ему пастырей. Онъ училъ ихъ и словомъ своимъ, но самымъ лучшимъ наставникомъ для нихъ была его собственная жизнь. Онъ велъ жизнь въ высшей степени строгую и воздержную: ѣлъ пищу самую простую; никогда не ѣзжалъ онъ на роскошные

обѣды, которые тогда были распространены въ Константинополѣ, и у себя никогда не устраивалъ пиршествъ; одежду онъ носилъ всегда скромную, темнаго цвѣта. Всѣ свои деньги онъ употреблялъ на вспоможеніе бѣднымъ и больнымъ; устроилъ и содержалъ нѣсколько больницъ, богадѣленъ и два дома для странниковъ.

Стараясь объ исправленіи подчиненнаго ему духовенства и облегченіи участи страждущихъ, Златоустъ еще болѣе заботился объ охраненіи чистоты вѣры и богослуженія. Онъ изложилъ чинъ *Божественной литургіи*, извѣстной подъ его именемъ. Литургія Іоанна Златоуста совершается въ продолженіе почти цѣлаго года, за исключеніемъ немногихъ дней въ году, когда полагается, по уставу Церкви, литургія Василія Великаго или Григорія Двоеслова. Златоустъ написалъ также толкованіе на священныя книги, которое до сего времени считается лучшимъ руководствомъ въ пониманіи слова Божія. Благодаря заботамъ и стараніямъ Златоуста, многіе еретики обратились къ правой вѣрѣ, и многіе язычники и іудеи были просвѣщены свѣтомъ Евангельскаго ученія.

Проповѣдничество Златоуста въ Константинополѣ, такъ же, какъ и въ Антіохіи, привлекало множество слушателей: особенно изъ простого народа много приходило послушать

учителя со всѣхъ концовъ города, даже изъ окрестныхъ селеній. «Народъ жаждалъ его рѣчей и не могъ насытиться его бесѣдою, — говоритъ историкъ того времени, Созоменъ; — когда, вошедши въ средину толпы, онъ всходилъ на амвонъ и начиналъ учить, слушатели толкали и тѣснили другъ друга, желая пройти впередъ и стать къ нему ближе, чтобы яснѣе слышать его бесѣду». Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ смирялъ гордость богатыхъ, возставалъ противъ роскоши въ одеждѣ и домашнемъ убранствѣ, противъ чрезмѣрной привязанности къ увеселеніямъ и зрѣлищамъ, удаляющимъ отъ Бога. Однажды въ среду страстной недѣли поднялась страшная буря, которая привела въ страхъ и ужасъ всѣхъ жителей Константинополя. Они устремились въ церкви просить Бога о помилованіи, прибѣгли къ заступничеству святыхъ Божіихъ. Но едва миновала буря и прошелъ страхъ, какъ народъ забылъ о Богѣ — и страстную пятницу проводилъ на конскомъ бѣгѣ, а въ великую субботу устремился на театральное зрѣлище. Горесть поразила св. пастыря до глубины души. Въ Пасху онъ обратился къ народу со словомъ: «Можно ли снести это? Можно ли стерпѣть? Вамъ самимъ жалуюсь на васъ... Въ пятокъ, когда Господь для спасенія вселенной былъ распятъ, когда приноси-

лась столь великая жертва, когда отверзся рай, разрушилась клятва, истреблялся грѣхъ, прекращалась долговременная вражда, когда Богъ примирился съ человѣкомъ и все преобразовалось; въ тотъ день, когда надлежало поститься, исповѣдываться и возсылать благодарственныя моленія къ Тому, Который сдѣлалъ толикія благодѣянія міру; — въ это время вы, оставивъ церковь и забывъ важность поста, отдались въ плѣнъ діаволу и пустились на иное зрѣлище»! Народъ былъ глубоко пораженъ словами своего учителя. Чрезъ недѣлю онъ толпами спѣшилъ во храмъ, чтобы послушать, что о немъ будетъ еще говорить проповѣдникъ; но Златоустъ не вышелъ на проповѣдь, а проповѣдывалъ другой епископъ. Народъ впалъ въ уныніе. Тогда въ слѣдующій разъ вышелъ къ народу любимый и любящій пастырь. «Сильно тронулъ я васъ, говорилъ онъ, за театръ и ристалища (бѣга). Я весьма радъ и веселюсь, по слову апостола: кто же радуетъ меня, какъ не тотъ, кто отъ меня въ печали? Вижу, что плодъ принесла печаль сія... Если одна бесѣда такъ тронула васъ, повергла въ такую печаль, что вы теряетесь въ духѣ и волнуетесь: двѣ, три бесѣды совсѣмъ исцѣлятъ вашу болѣзнь»... Такъ глубоко скорбѣлъ Златоустъ о грѣхахъ своей паствы и такъ сильно

онъ радовался, когда видѣлъ ея исправленіе!

Обличая и исправляя недостатки и пороки своей паствы, Златоустъ въ то же время указывалъ людямъ вѣрныя средства спасти душу и достигнуть царствія Божія. Онъ убѣждалъ какъ можно чаще молиться Богу и, между прочимъ, совѣтовалъ вставать для молитвы по ночамъ,—особенно тѣмъ, которые въ продолженіе дня не имѣютъ къ тому досуга. «Хорошо постоянно вспоминать о Богѣ, говоритъ Златоустъ, но особенно, когда спокоенъ духъ, т. е. ночью; днемъ смущаютъ насъ разныя попеченія. Вѣдь ночь не для того только дана, чтобы проводить се во снѣ и бездѣйствіи... Тогда (ночью) душа бываетъ чище, легче, добрѣе, способнѣе воспарять и возвышаться; самый мракъ и безмолвіе много располагаютъ къ умиленію». Съ такою же силою Златоустъ внушаетъ своимъ слушателямъ, чтобы они благотворили бѣднымъ и нищимъ и принимали путешествующихъ; онъ убѣждаетъ всегда имѣть въ готовности комнату для принятія Христа, когда Онъ придетъ въ лицѣ бѣднаго странника. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ обращается къ своей паствѣ со слѣдующими трогательными словами: «Христосъ у дверей вашихъ; отворите Ему; вы обязаны отдать Ему вашу лучшую комнату, а Онъ проситъ у васъ только небольшого угла! По-

мѣстите Его гдѣ хотите,—въ заднихъ комнатахъ съ вашими слугами, въ сараяхъ, конюшняхъ съ вашими ослами и лошадьми,—но только примите Его». Живыя и пламенныя слова ревностнаго пастыря не оставались безъ благихъ послѣдствій: они возбуждали въ сердцахъ слушателей любовь къ добру, отвращеніе отъ зла, и благочестіе жителей Константинополя замѣтно усиливалось, а пороки уменьшались.

IV.

Судъ надъ св. Іоанномъ Златоустомъ; его ссылка, страданія и кончина.

Въ то время, когда Златоустъ былъ всецѣло преданъ попеченію о своей паствѣ, непрестанно училъ народъ слову Божію, благоустроялъ подчиненныхъ ему пастырей, заботился о бѣдныхъ и больныхъ,—въ это самое время противъ него собиралась грозная буря преслѣдованій и клеветы со стороны недовольныхъ его дѣлами и словами. Въ числѣ недовольныхъ находилось много духовныхъ лицъ, которыхъ онъ отставилъ за то, что они не исполняли, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей. Они возненавидѣли Іоанна, говорили, что онъ золъ и гордъ; начали наблюдать за нимъ и превратно толко-

вать его дѣла и слова, чтобы составить противъ него обвиненіе. Такъ же недовольны Златоустомъ были всѣ тѣ начальники, которыхъ онъ обличалъ за грабительство, сребролюбіе, роскошь и т. п. Они тоже клеветали на Златоуста и искали случая обвинить его. Скоро всѣ недовольные Іоанномъ нашли себѣ сильную союзницу въ лицѣ императрицы Евдоксіи.

Евдоксія, жена императора Аркадія, была женщина самолюбивая, гордая, раздражительная; она была жадна къ деньгамъ и для обогащенія себя не стыдилась самыхъ безчестныхъ дѣйствій. Она отнимала имѣнія богатыхъ людей по смерти ихъ, не смотря на обиду и слезы дѣтей и другихъ законныхъ наслѣдниковъ. Извѣстенъ случай, что она отобрала въ свое владѣніе виноградникъ одной бѣдной вдовы, имѣвшей дѣтей, потому что ей понравился ея виноградъ. Всѣ желанія Евдоксіи немедленно приводились въ исполненіе, такъ какъ она вполнѣ распоряжалась своимъ слабымъ мужемъ.

Евдоксія неизбѣжно должна была столкнуться съ Златоустомъ: ему часто приходилось заступаться за обиженныхъ ею. Когда онъ въ проповѣдяхъ говорилъ противъ лихоимства и сребролюбія, грозилъ судомъ Божіимъ тѣмъ, которые угнетаютъ невинныхъ и грабятъ иму-

щество бѣдныхъ, Евдоксія принимала его слова за личную обиду и искала средства отомстить ему. Она нѣсколько разъ посылала дѣлать ему выговоры за его смѣлыя рѣчи, но Іоаннъ отвѣчалъ посланнымъ: «Я не могу не слышать голоса обиженныхъ, плачущихъ и воздыхающихъ, не могу не укорять согрѣшившихъ; я епископъ, и мнѣ вручено попеченіе о душахъ многихъ... Если царица не знаетъ зла за собой, то ей не за что сердиться,—она скорѣе должна радоваться, что я усердно наставляю на добро ея подданныхъ!». Но отвѣты Златоуста еще болѣе раздражали Евдоксію.

Разъ Златоустъ сказалъ слово, въ которомъ порицалъ женщинъ за хитрость и тщеславіе. Злонамѣренные люди увидѣли въ словахъ Іоанна намекъ на императрицу и донесли ей. Императрица жаловалась царю за причиненное ей оскорбленіе и задумала изгнать Іоанна. Она вошла въ сношеніе съ александрійскимъ епископомъ Ѳеофиломъ. И вотъ Ѳеофилъ, будучи вызванъ въ столицу, какъ подлежащій суду за безпорядки въ своей епархіи, становится обвинителемъ Іоанна, беретъ въ свои руки слѣдствіе и судъ надъ нимъ, заранѣе рѣшивъ признать его во всемъ виновнымъ. Напрасно Іоаннъ просилъ свиданія съ обвинителемъ своимъ, — Ѳеофилъ не захотѣлъ видѣться съ Іоанномъ,

но расточалъ деньги и обѣщанія, чтобы привлечь къ себѣ болѣе народа и найти клеветниковъ на Іоанна. Подъ своимъ предсѣдательствомъ Ѳеофилъ, въ 403 году, составилъ соборъ изъ 45 епископовъ, въ селеніи Дубѣ близь Халкидона, который поставилъ 29 обвинительныхъ пунктовъ противъ Іоанна. Святителя судили за то, что онъ былъ милостивъ къ язычникамъ и грѣшникамъ, судили за строгость къ духовенству, возводили на него самыя несправедливыя клеветы, перетолковывали всѣ слова и дѣла его. Іоаннъ, и съ нимъ всѣ честные люди, не признавалъ законности собора, потому что онъ былъ составленъ только изъ враговъ Іоанна и завистниковъ его славы, и на немъ не было тѣхъ изъ собравшихся въ Константинополѣ епископовъ, которые были расположены къ Златоусту. Незаконный соборъ рѣшилъ низложить Іоанна, а слабодушный Аркадій утвердилъ опредѣленіе собора и осудилъ Іоанна на ссылку.

Іоаннъ находился въ церкви, когда вѣсть о его низложеніи и ссылкѣ пронеслась въ народѣ. Собираясь густыми толпами вокругъ церкви, гдѣ былъ Іоаннъ, народъ день и ночь держалъ стражу, боясь, чтобы не увели оттуда Іоанна. Народное множество требовало новаго, большаго собора, который долженъ былъ оправдать

любимаго пастыря и отца. Тронутый такимъ сочувствіемъ къ себѣ народа, Іоаннъ взошелъ на каѳедру и сказалъ глубоко трогательную рѣчь своей паствѣ:

«Сильныя волны, жестокая буря! Но я не боюсь потопленія, ибо стою на камнѣ; пусть свирѣпствуетъ море:—оно не можетъ сокрушить камня. Пусть поднимаются волны: онѣ не могутъ потопить корабля Іисусова. Скажите, чего мнѣ бояться? Ужели смерти?—*для меня жизнь—Христосъ, а смерть—пріобрѣтеніе* (Филип. I, 21). Ужели ссылки?—*Господня земля и исполненіе ея* (Пс. XXIII, 1). Ужели потери имѣнія?—*мы ничего не принесли въ міръ,—ничего не можемъ и вынести изъ него* (I Тим. VI, 7). Я презираю страхъ міра сего и смѣюсь надъ его благами. Я не боюсь нищеты, не желаю богатства, не боюсь смерти и не желаю жизни, развѣ для вашего утѣшенія». И дальше въ яркихъ чертахъ изобразилъ онъ всю любовь свою къ паствѣ и убѣждалъ ее пребывать въ молитвѣ.

Сказавъ слово народу, Іоаннъ не желалъ, чтобы изъ-за него произошелъ мятежъ и кровопролитіе и посему—тайно отъ народа отдалъ себя въ руки царскаго чиновника и въ продолженіе ночи перевезенъ былъ на кораблѣ на другой берегъ пролива. Но лишь только въ городѣ разнеслась молва объ удаленіи святи-

теля, народъ пришелъ въ ужасъ. Ночь его похищенія была для Константинополя ночью печали и слезъ. Народная толпа, прежде яростная и раздраженная, теперь умолкла, поникла духомъ и спѣшила въ церкви молить Бога о возвращеніи похищеннаго отца. Въ церквахъ не доставало мѣста: молились на уличныхъ перекресткахъ, на площадяхъ. Дома бѣдныхъ были пусты: мужчины, женщины, дѣти, мастеровые, продавцы—всѣ были на молитвѣ, всѣ хотѣли участвовать въ этихъ молитвенныхъ слезахъ, возносимыхъ къ небесному правосудію. На слѣдующую ночь произошло сильное землетрясеніе, и удары его особенно чувствовались во дворцѣ. Въ комнатѣ императрицы постель, сильно приподнятая, скатилась на полъ. Евдоксія думала, что наступаетъ ея послѣдній часъ, и блѣдная, бросившись въ комнату мужа, вскричала ему: «Тотъ, кого насъ заставили изгнать,—праведникъ, и Самъ Богъ вооружился отомщеніемъ. Если ты хочешь спасти имперію, немедленно пошли возвратить его». Тотчасъ послали за Іоанномъ гонцовъ съ приглашеніемъ вернуться въ столицу.

Когда Іоаннъ подплывалъ ночью обратно къ Константинополю, его взорамъ предсталъ заливъ, освѣщенный тысячами факеловъ на лодкахъ, на берегу и въ гавани. То было вели-

колѣпное зрѣлище встрѣчи, которую народъ устроилъ своему епископу. Златоустъ былъ глубоко потрясенъ. Высадившись на берегъ, онъ хотѣлъ остановиться въ предмѣстіи и не вступать въ городъ, пока не будетъ оправданъ соборомъ; но народъ почти насильно заставилъ его войти въ городъ. Съ зажженными факелами, при пѣсняхъ и радостныхъ восклицаніяхъ, народъ довелъ его до церкви и просилъ благословенія и поучительнаго слова. Іоаннъ долженъ былъ исполнить всеобщее желаніе и, благословивъ народъ, произнесъ хвалебное слово Господу. Вскорѣ соборъ изъ 70-ти епископовъ, собравшихся въ Константинополѣ, объявилъ недѣйствительнымъ опредѣленіе Дубскаго собора. Такъ кончилась первая ссылка Іоанна: онъ вновь вступилъ въ управленіе своей епархіей и вновь началъ бесѣдовать съ народомъ.

Но враги Іоанна не переставали строить ему козни и черезъ два мѣсяца снова пробудили гнѣвъ Евдоксіи. Близъ церкви, на площади, поставили серебряную статую императрицы. Торжество открытія статуи сопровождалось шумными играми и зрѣлищами, которыя продолжались нѣсколько дней, мѣшали богослуженію, и смущали молящихся во храмѣ. Тогда Іоаннъ произнесъ сильное слово противъ зрѣлищъ. Дали знать объ этомъ Евдоксіи, и она опять

созвала соборъ изъ враговъ Іоанна. Долго разсуждалъ соборъ, многихъ лжесвидѣтелей выслушивалъ онъ, но при всей своей ненависти къ Іоанну долженъ былъ сознаться, что не нашелъ достаточнаго основанія для низложенія архіепископа, и дѣло передалъ императорской власти. Аркадій, по настоянію жены и враждебныхъ Іоанну епископовъ, рѣшился низложить святителя, и, 20-го іюня 404 года, Златоустъ былъ отправленъ въ ссылку.

Въ самую ночь удаленія Іоанна изъ столицы сдѣлался страшный пожаръ, начавшійся въ его церкви у самаго престола и истребившій много общественныхъ и частныхъ домовъ. Враги св. Іоанна оклеветали въ этомъ приверженцевъ его, и многихъ изъ нихъ предали страшнымъ мученіямъ. Однако рука Божія видимо карала враговъ святаго. Враждебные Златоусту епископы умирали тяжелою смертію. Сама императрица Евдоксія, цвѣтущая молодостью и здоровьемъ, прожила только три съ половиною мѣсяца послѣ изгнанія Златоуста, и умерла въ тяжкихъ мученіяхъ.

Іоаннъ былъ отправленъ въ заточеніе въ армянскій городъ Кукузъ. Въ Кукузѣ встрѣтили Іоанна съ уваженіемъ и благоговѣніемъ. Онъ скоро пріобрѣлъ здѣсь всеобщую любовь,

и изъ всѣхъ окрестностей жители ежедневно стекались слушать его поученія.

И въ заточеніи Іоаннъ продолжалъ заботиться о Церкви. Онъ своими письмами одушевлялъ и наставлялъ проповѣдниковъ христіанства въ Финикіи, Аравіи и Персіи. Онъ переписывался также со своими друзьями въ Константинополѣ. Такъ, до насъ дошли письма его къ Олимпіадѣ, діакониссѣ константинопольской церкви. Діакониссами назывались женщины, посвятившія себя служенію церкви подъ руководствомъ священно-служителей: онѣ посѣщали бѣдныхъ и помогали имъ, ходили за больными, наставляли оглашаемыхъ женщинъ, приготовляли ихъ къ крещенію, руководили ихъ первыми шагами въ обновленной жизни, занимались съ дѣтьми и т. д.

Олимпіада происходила изъ знатнаго рода, отличалась красотою, душевною и тѣлесною, и была очень богата. Оставшись въ юныхъ лѣтахъ сиротою, она вышла замужъ за владѣтельнаго князя, служившаго при дворѣ Ѳеодосія; но это замужество продолжалось только два года, и по смерти мужа Олимпіада рѣшилась остаться вдовою. Ѳеодосій же, видя молодость ея лѣтъ, пожелалъ выдать ее замужъ за одного изъ своихъ родственниковъ, но Олимпіада рѣшительно отказалась исполнить его волю. «Если

бы Богъ судилъ мнѣ жить въ замужествѣ,—писала она императору,—Онъ не взялъ бы у меня того, кого я любила. Разрѣшивъ насъ обоихъ отъ ярма, подъ которое мы отдались добровольно, Господь указалъ мнѣ истинное мое призваніе, которое состоитъ въ служеніи Ему, Господу, во вдовствѣ». Өеодосій приписалъ такое рѣшеніе Олимпіады проискамъ священниковъ, которые, какъ онъ думалъ, хотѣли воспользоваться ея богатствомъ. Поэтому онъ наложилъ опеку на все ея имущество, приказавъ управлять имъ начальнику города (префекту) до той поры, пока Олимпіада не достигнетъ тридцатилѣтняго возраста. Такимъ распоряженіемъ онъ разсчитывалъ принудить ее къ замужеству.

«Благодарю тебя, августѣйшій монархъ,—писала на это Олимпіада,—благодарю за то, что ты съ мудростью и благоволеніемъ соизволилъ возложить на себя управленіе моимъ имѣніемъ и тѣмъ облегчилъ мнѣ тяжесть земныхъ заботъ. Соблаговоли же увѣнчать твое дѣло, раздавъ это богатство бѣднымъ и церквамъ, какъ я то намѣревалась сдѣлать. Твои уполномоченные исполнятъ это съ бо̀льшимъ знаніемъ дѣла, чѣмъ я, а сверхъ того ты избавишь меня отъ уколовъ преступнаго тщеславія, которые очень часто сопровождаютъ благотвореніе».

Θеодосій, увидѣвъ, что цѣль его не достигнута, отмѣнилъ распоряженіе объ опекѣ, возвратилъ Олимпіадѣ право самой управлять ея имѣніемъ и предоставилъ ей полную свободу. Тогда она предалась вполнѣ подвигамъ христіанскаго милосердія. Константинопольскій архіепископъ Нектарій принялъ Олимпіаду въ число діакониссъ и совѣтовался съ нею о всѣхъ дѣлахъ Церкви. Такое же довѣріе оказывалъ ей и преемникъ Нектарія, св. Іоаннъ Златоустъ, и глубоко уважалъ ее за чистоту вѣры и высоконравственную, добродѣтельную жизнь. Съ своей стороны и Олимпіада всѣмъ сердцемъ предалась св. Іоанну и относилась къ нему съ благоговѣйною, безпредѣльною любовью, какъ дочь къ отцу.

Воздвигнутое на Златоуста гоненіе и его ссылка поразили Олимпіаду великою печалью. Она не могла безъ глубокаго потрясенія видѣть ниспроверженіе того, что было для нея свято, побѣду зла надъ добромъ, торжество клеветы надъ невинностью. Тотъ, кто заслуживалъ благословенія всего христіанскаго міра,—лишенъ сана и томится въ ссылкѣ, а безсовѣстные клеветники и безчестные судьи благоденствуютъ и величаются своею позорною побѣдою! Потрясенная всѣмъ этимъ, Олимпіада впала въ уныніе, которое довело ее до грѣховныхъ сомнѣній: «да есть ли уже Провидѣніе, направ-

ляющее ходъ земныхъ дѣлъ?—спрашивала она себя,—ужь не покинулъ ли Господь Церковь Свою?» Сомнѣнія эти ужасали Олимпіаду, и она боролась противъ нихъ въ молитвахъ, умоляя Бога явить Свое правосудіе и тѣмъ подкрѣпить вѣру чадъ Своихъ, спасти ихъ отъ соблазна.

Узнавъ о такомъ опасномъ душевномъ настроеніи Олимпіады, св. Іоаннъ Златоустъ послалъ ей, въ утѣшеніе и назиданіе, письмо, которое сохранилось до нашего времени. Письмо это настолько поучительно, что мы приведемъ его въ сокращеніи:

«Мрачныя и черныя мысли осаждаютъ тебя, дорогая и досточтимая жена!—писалъ Златоустъ. Ты впадаешь въ отчаяніе, потому что ничего не понимаешь во всемъ, что происходитъ. О, я не хочу укрывать зло, тебя ужасающее; не хочу ни отрицать, ни умалять его; я хочу, напротивъ, чтобы ты разсмотрѣла его такимъ, каково оно есть. Да, мы плывемъ среди необъятной бури. Корабль, влекущій насъ, носится безъ управленія по волѣ разъяреннаго океана. Половина его матросовъ въ морѣ; ихъ трупы качаются передъ нашими взорами на поверхности волнъ; другую половину ждетъ гибель. Нѣтъ болѣе парусовъ, нѣтъ болѣе мачтъ; весла брошены, кормило (руль) сломано, и корм-

чіе, сидя на скамьѣ, обняли колѣна руками, не зная, что предпринять, и находя силы для однихъ стенаній. Темная ночь скрываетъ все до подводной скалы, на которую они несутся, и до слуха ихъ доносится только оглушительный ревъ валовъ. Само море изъ нѣдръ своихъ поднимаетъ мерзостныхъ чудовищъ, которыхъ извергаетъ на корабль къ великому ужасу плывущихъ... Тщетно пытаюсь я выразить обиліемъ этихъ образовъ множество бѣдствій, насъ одолѣвающихъ, ибо какой же человѣческій языкъ могъ бы передать ихъ? И все-таки я, который долженъ бы смутиться ими болѣе, нежели кто нибудь, я не покидаю надежды: я поднимаю взоры къ высшему Кормчему вселенной, Кому не нужно искусство управленія среди бури...

«И такъ, отчаяваться не должно; напротивъ, должно постоянно помнить слѣдующую истину: одного только несчастія надо страшиться въ мірѣ—грѣха и слабости духа, которая приводитъ ко грѣху; все прочее—мечта. Ковы и вражда, обманы и клеветы, оскорбленія и извѣты, хищеніе, заточеніе, острые мечи, взволнованныя моря, война въ цѣломъ мірѣ—все это ничто и не можетъ смутить душу бодрствующую. Апостолъ Павелъ учитъ насъ этому, говоря: «видимыя вещи временны». Зачѣмъ же

страшиться, какъ дѣйствительнаго бѣдствія, такихъ случаевъ, которые уносятся временемъ, какъ вода увлекается рѣкою?...

«Но,—скажутъ,—такое бѣдствіе—бремя жестокое, тяжелое!—Конечно. Но взглянемъ на него съ другой стороны—и научимся его презирать. Оскорбленія, презрѣнія, насмѣшки, обращаемыя на насъ врагами,—что̀ они въ самомъ дѣлѣ? Шерсть истлѣвшаго платья, которое точатъ черви и время истребляетъ. Однако же,—прибавляютъ,—посреди этихъ испытаній, постигающій міръ, многіе погибаютъ и соблазняются? Справедливо, и это много разъ случалось; но послѣ гибели, смерти и соблазновъ порядокъ возстановляется, воцаряется тишина, и правда возобновляетъ свой прежній путь... Вы хотите быть мудрѣе Бога! Вы изслѣдуете повелѣнія Провидѣнія! Преклонитесь лучше передъ закономъ, Имъ предписываемымъ; не судите, не ропщите, повторяйте только съ апостоломъ: глубина намѣреній Божіихъ—кто можетъ постигнуть её?»

«Если представить себѣ человѣка, никогда не видавшаго ни восхода, ни захожденія солнца,—не соблазнился ли бы онъ при видѣ, какъ исчезаетъ дневное свѣтило съ небосклона и ночь охватываетъ землю? Онъ подумалъ бы, что Богъ его покидаетъ. А тотъ, кто видѣлъ только

весну, не соблазнился ли бы онъ, увидѣвъ наступленіе зимы, этой смерти природы? Онъ подумалъ бы, что Богъ, отрекаясь отъ Своего творенія, оставляетъ міръ, Имъ созданный. И тотъ, кто видитъ, какъ сѣютъ сѣмя въ землю, и какъ это сѣмя изгниваетъ подъ землею и инеемъ, не соблазнится ли онъ, спрашивая: для чего погибло это сѣмя? Но позже онъ увидитъ его возрожденіе въ желтѣющихъ нивахъ; другой увидитъ солнце, восходящее вновь на небосклонѣ, и весну, снова смѣняющую зиму. Эти люди раскаятся потомъ въ своемъ ослѣпленіи и преклонятся съ благоговѣніемъ передъ порядкомъ, установленнымъ Провидѣніемъ. Такъ и въ нравственномъ мірѣ, и въ событіяхъ жизни: достаточно наблюдать ихъ, чтобы вскорѣ убѣдиться со скорбію, что подобное сомнѣніе есть просто богохульство».

«Но даже исторія нашего Искупленія развѣ не окружена соблазнами? Какимъ предметомъ искушенія долженъ былъ быть этотъ Божественный Младенецъ, обернутый пеленами, лежащій въ вертепѣ, принужденный покинуть ясли, служившія ему колыбелью, для того, чтобы бѣжать въ Египетъ, къ народу чужеземному! Не могли ли многіе сказать, при видѣ бѣднаго семейства Іосифа: Какъ? и это—Спаситель человѣчества, Царь міра, Сынъ Божій? И они

должны были бы соблазняться. Позднѣе, когда этотъ Младенецъ возвратился изъ изгнанія и возросъ, непримиримая война возгорѣлась противъ Него отовсюду. Сначала ученики Іоанна преслѣдуютъ Его своею завистливою враждою: «Учитель», говорятъ они Предтечѣ, «тотъ, кто былъ съ тобою за Іорданомъ, креститъ нынѣ, и всѣ приходятъ къ нему!»—это слова зависти, внушенныя духомъ злобы.

«А когда Іисусъ начинаетъ творить чудеса, сколько клеветъ противъ Него и сколько соблазновъ для слабыхъ! «Ты самарянинъ»,— кричатъ Ему со всѣхъ сторонъ,— «и діаволъ овладѣлъ Тобою *). Видя Его бесѣдующимъ съ женщиной, Его называютъ пророкомъ ложнымъ: «если бы Онъ былъ пророкъ, то знал бы, что за женщина говоритъ съ Нимъ».

«А самый судъ, бичеваніе, распятіе—какой соблазнъ должны были произвести они! Христосъ покинутъ Своими учениками; вокругъ Него не видно ничего, кромѣ оскорбленій со стороны солдатъ или черни, насмѣшекъ, злословія, заушеній.—Если Ты сынъ Божій, кричали Ему у подножія Его креста — то сойди со креста, и мы увѣруемъ въ Тебя. Но верхомъ оскорбленія, превосходившимъ всякія измышленія нечестія, было предпочтеніе вора,

*) Еванг. отъ Іоанна VIII, 48.

разбойника, запятнаннаго кровію. Кого хотите: Христа или Варавву?—Варавву! кричитъ весь народъ іудейскій, — хотимъ Варавву! а этого распни, распни Его! Была ли когда нибудь смерть болѣе позорная! И Онъ умираетъ одинокій, безъ друзей, безъ учениковъ; одинъ разбойникъ, товарищъ по казни, исповѣдуетъ Его съ креста своего. Нѣтъ, никогда всѣ соблазны, вмѣстѣ взятые, не могли сравниться съ такимъ соблазномъ!... Вотъ какъ истина, ниспосланная съ небесъ, получила свое начало на землѣ: ея путь былъ окруженъ обстоятельствами, которыя были для сильныхъ испытаніемъ и гибелью для слабыхъ.

«Жизнь апостоловъ и Евангельская проповѣдь также не избѣжали соблазна и гоненій. Апостолы разсѣиваются, бѣгутъ и скрываются. проповѣдуютъ во мракѣ, — а все же вѣра процвѣтаетъ; она распространяется быстро силою чудесъ, ознаменовавшихъ ея рожденіе. Одинъ изъ апостоловъ спускается въ окно, чтобы избѣжать смерти; нуженъ ангелъ, чтобы освободить другихъ заключенныхъ, закованныхъ въ цѣпи. Когда сильные міра прогоняютъ апостоловъ, — нищіе, ремесленники принимаютъ ихъ. Они окружены благоговѣйнымъ попеченіемъ торговокъ пурпуромъ, дѣлателей шатровъ, кожевниковъ въ отдален-

ныхъ частяхъ города или на берегахъ моря... Таковъ былъ путь, предначертанный самимъ Богомъ въ Его несказанной мудрости».

«Теперь, благочестивая и достоуважаемая жена,—продолжаетъ Іоаннъ Златоустъ, — если ты выдѣлишь счастливыя событія изъ множества нашихъ бѣдствій, то хотя и не найдешь тамъ знаменій и чудесъ, но навѣрно признаешь въ нихъ чудесную связь путей Провидѣнія. При всемъ томъ, Олимпіада, не нужно, чтобы ты принимала все изъ устъ моихъ безъ всякаго съ твоей стороны усилія; оставлю тебѣ заботу поискать и соединить эти различныя черты небеснаго покровительства, сравнивая ихъ съ нашими бѣдствіями. Такой трудъ, спасительный для души, поможетъ разогнать твое уныніе, укрѣпитъ твою вѣру, и ты почерпнешь изъ него большое облегченіе въ своихъ скорбяхъ».

Таково содержаніе перваго письма Златоуста къ св. Олимпіадѣ, написаннаго изъ города Кукуза, куда онъ былъ сосланъ.

Около двухъ лѣтъ провелъ Іоаннъ въ Кукузѣ; много страдая отъ суроваго климата и отъ горнаго народа исавровъ, которые дѣлали набѣги на городъ. Но врагамъ Златоуста и этого было мало! ихъ тревожило, что Іоанну оказывали въ Кукузѣ почести и любовь, и они

успѣли добиться указа, который повелѣвалъ перевести Іоанна въ городъ Пиѳіунтъ, у подножія Кавказа, на берегу Чернаго моря. Изможденнаго лишеніями, удрученнаго болѣзнью, Іоанна заставляли и въ зной и въ дождь идти большими переходами цѣлыхъ три мѣсяца. Въ городѣ Команѣ силы окончательно покинули его. Ночью ему явился св. Василискъ, мощи котораго покоятся въ этомъ городѣ, и сказалъ ему: «не унывай, братъ мой, мы завтра будемъ вмѣстѣ». Іоаннъ ожидая смерти своей, не хотѣлъ идти далѣе, однако его принудили выйти изъ города; но болѣзнь его такъ усилилась, что конвой воротился съ нимъ въ церковь, которую онъ покинулъ нѣсколько часовъ назадъ. Златоустъ, который едва могъ держаться на ногахъ, сказалъ, чтобы его подвели къ алтарю, и попросилъ священника дать ему бѣлую одежду. Онъ переодѣлся, а всю свою одежду роздалъ присутствующимъ. Потомъ онъ пожелалъ пріобщиться св. Таинъ изъ рукъ священника, горячо молился и кончилъ свое послѣднее слово изрѣченіемъ, такъ часто бывшимъ у него на языкѣ: «Слава Богу за все! Аминь». Онъ перекрестился, легъ на плиты пола и предалъ духъ свой Господу. Это было 14 сентября 407 года. Множество христіанъ собралось на его погребеніе.

Спустя тридцать лѣтъ послѣ смерти Іоанна святыя мощи его были перенесены въ Константинополь. Опять Константинопольскій проливъ покрылся лодками со множествомъ народа, который торжественно встрѣчалъ нетлѣнные останки великаго Святителя. Новый императоръ Ѳеодосій Младшій, сынъ покойнаго Аркадія, съ сестрою своею Пульхеріею молились у гробницы о томъ, чтобы Богъ простилъ ихъ родителей. Мощи Златоуста были положены въ церкви св. Апостоловъ. Святая Церковь чтитъ память св. Іоанна: 14 сентября — день кончины, 27 января—день перенесенія св. мощей его и память—13 ноября, а 30-го января празднуетъ трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста.

Св. Іоаннъ Златоустъ былъ великій вселенскій учитель вѣры и благочестія: Церковь, наслѣдовавъ отъ него до 1500 богопросвѣщенныхъ твореній, «*его златыми словесы яко утварью златою украсися*».

Всѣмъ извѣстно его вдохновенное слово въ первый день Св. Пасхи. И до сихъ поръ звучитъ оно, въ концѣ свѣтлой заутрени, почти во всѣхъ православныхъ храмахъ, поддерживая общеніе вѣрующихъ съ великимъ учителемъ.

Кто благочестивъ и боголюбивъ, да насладится нынѣ симъ святымъ и свѣтлымъ торжествомъ! (Лук. 14, 17). Кто рабъ благоразумный, да внидетъ съ радостію въ радость Господа своего! (Матѳ. 25, 21). Кто потрудился среди поста, да приметъ нынѣ динарій! (Матѳ. 20, 13). Кто работалъ съ перваго часа, пусть получитъ всю должную плату! Кто пришелъ и послѣ третьяго часа, благодари и веселися! Кто успѣлъ придти послѣ шестаго часа, пусть не безпокоится: ибо ничего не лишится. Если бы ты замедлилъ и до девятаго часа, то приступи безъ всякаго опасенія. Когда бы даже иной успѣлъ придти только въ одинадцатый часъ, то и такой да не страшится своего замедленія. Ибо Домовладыка нашъ любочестивъ и щедръ: пріемлетъ и послѣдняго какъ перваго, успокоиваетъ пришедшаго въ одиннадцатый часъ такъ же, какъ и трудившагося съ перваго часа. Онъ и о первомъ печется, и о послѣднемъ милосердствуетъ; и тому даетъ, и сему даруетъ; о дѣлахъ радуется, но и намѣренія съ любовію пріемлетъ, дѣйствію воздаетъ всю должную честь, но и доброе расположеніе хвалитъ. — Итакъ, всѣ, всѣ войдите въ радость Господа нашего! — Первые и послѣдніе, получите награду! Богатые и бѣдные, ликуйте другъ съ другомъ! Трудившіеся и нера-

дивые, почтите настоящій день! Постившіеся и непостившіеся, возвеселитесь нынѣ! — Трапеза обильна: всѣ насыщайтесь! — Телецъ великъ и упитанъ: никто не уходи голоднымъ! Всѣ насладитесь пиршествомъ вѣры! Всѣ воспользуйтесь богатствомъ благости! Никто не жалуйся на бѣдность: ибо для всѣхъ настало царствіе. Никто не плачь о грѣхахъ своихъ: ибо изъ гроба всѣмъ возсіяло прощеніе. Никто не страшись смерти: ибо отъ нея свободила всѣхъ насъ смерть нашего Спасителя. Объятый смертью, Онъ истребилъ смерть: сошедшій во адъ, Онъ расхитилъ адъ—и огорчилъ того, который коснулся Его плоти. Давно предузнавъ сіе, Исаія воскликнулъ: адъ огорчися, срѣтивъ Тебя въ преисподнихъ своихъ (Исаія 14, 9).—Огорчился онъ: ибо опустошенъ. Огорчился: ибо посрамленъ. Огорчился: ибо умерщвленъ. Огорчился: поелику весь сокрушенъ. Огорчился: поелику весь связанъ. Взялъ плоть, а нашелъ (въ ней) Бога. Взялъ землю, а нашелъ въ ней небо. Взялъ то, что видѣлъ; а подвергся тому, чего и не ожидалъ. — Смерть, гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда. (Коринѳ. 15, 55)?—Христосъ воскресъ: и—ты низложился! Христосъ воскресъ! и пали демоны! Христосъ воскресъ: и—радуются Ангели! Христосъ воскресъ: и — водво-

ряется жизнь! Воскресъ Христосъ: и нѣтъ ни одного мертваго во гробѣ! Ибо Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть (1 Коринѳ. 15, 20). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

КАРТИНЫ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ

(для аудиторій):

---

1) Видъ Антіохіи.

2) Проповѣдь Іоанна Златоуста въ Константинополѣ.

3) Возвращеніе Златоуста изъ ссылки.

4) Кончина Іоанна Златоуста.

5) Ликъ св. Іоанна Златоуста.

Книжный складъ изданій Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній увѣдомляетъ Г.г. заказчиковъ, что при складѣ открытъ отдѣлъ по подбору, изготовленію и разсылкѣ свѣтовыхъ картинъ для изданныхъ Постоянной Коммисіей брошюръ.

Складъ принимаетъ на себя посредничество по заказамъ на фонари, принадлежности къ нимъ и картины разныхъ мастерскихъ по цѣнамъ этихъ фирмъ.

Картины на стеклѣ въ среднемъ обходятся черныя отъ 40 до 75 коп., раскрашенныя отъ 1 руб. до 2 руб. 50 коп. На бумагѣ черныя 20 к., раскрашенныя 25 к.